

Научная статья

Научная специальность

12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»

УДК 343(470)(091)

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.4.98>

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

© Георгиевский Э. В., Кравцов Р. В., 2021

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Осуществляется анализ советских уголовных законов, содержащих преступные посяательства против правосудия. Отмечается, что начиная с декретов Совета народных комиссаров и заканчивая уголовными кодексами советский законодатель пытался создать систему преступлений, посягающих на интересы правосудия. Приводятся доктринальные взгляды ученых на существо и виды различных преступных проявлений, посягающих на основы судебно-публицистической власти в Советском государстве. Методологию исследования составили конкретно-исторический и компаративистский (сравнительно-правовой) подходы к правовой природе института преступлений против правосудия. В основу формирования выводов положен общий индуктивный метод, позволяющий от частных (казуистических) законодательных фрагментов приблизиться к общим принципам законодательного оформления охраны интересов правосудия. В ходе исследования выявлен и систематизирован ряд положений теоретического характера. Особое внимание обращено на Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., в котором впервые в истории уголовного законодательства России все преступления против правосудия были собраны воедино в одной главе и систематизированы. Авторами высказано предположение, что своеобразная «инерция законодательства» в вопросе законодательного регулирования преступлений против правосудия в первые годы советской власти объясняется общим подходом к судебно-публицистической власти как безликой части механизма государственного управления. Сделан вывод, что только с годами начинает формироваться принципиально иной подход к охране общественных отношений в сфере правосудия.

Ключевые слова: преступления против правосудия, УК РСФСР 1960 г., ложные доносы, вынесение заведомо неправоудного приговора, побег, несообщение о преступлении.

CRIMES AGAINST JUSTICE IN THE SOVIET CRIMINAL LAW

© Georgievskij E. V., Kravtsov R. V., 2021

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

The article analyzes the Soviet criminal laws containing criminal attacks against justice. Starting with the Decrees of the Council of People's Commissars and ending with criminal codes, the Soviet legislator is trying to create a system of crimes that violate the interests of justice. The doctrinal views of scientists on the essence and types of various criminal manifestations that encroach on the foundations of judicial and public power in the Soviet state are presented. The research methodology was made up of specific historical and comparative (comparative legal) approaches to the legal nature of the institution of crimes against justice. The basis for the formation of conclusions is a general inductive method, which allows from private (casuistic) legislative fragments to come closer to the general principles of legislative registration of the protection of the interests of justice. In the course of the study, a number of theoretical propositions were identified and systematized. Particular attention is paid to the 1960 Criminal Code of the RSFSR, in which, for the first time in the history of Russian criminal legislation, all crimes against justice were collected together in one chapter and systematized. The authors suggested that a kind of "inertia of legislation" in the issue of legislative regulation of crimes against justice in the first years of Soviet power is explained by the general approach to judicial and public power as a faceless part of the mechanism of state administration. And only over the years does a fundamentally different approach to the protection of public relations in the sphere of justice begin to take shape.

Keywords: crimes against justice, Criminal Code of the RSFSR 1960, false denunciations, knowingly passing an unjust verdict, the escape, failure to report a crime.

Введение

Систематизация преступлений против правосудия прошла длительный и достаточно непростой путь развития в уголовном законодательстве России. Так уж сложилось, что интересы правосудия как объект уголовно-правовой охраны сложно интегрировались в особенную часть уголовных законов в различные эпохи. И нужно отметить, что именно советское уголовное право в конечном итоге решило эту непростую проблему.

По справедливому замечанию А. С. Горелика и Л. В. Лобановой, советское уголовное право начинало формироваться не только без четкой Особенной части, но и фактически без консолидированного раздела, посвященного преступлениям против правосудия. Молодое Советское государство не пошло по пути, наметившемуся в последних законодательных актах царского правительства, где преступления против правосудия начали выделяться в отдельных структурных единицах закона. Однако это вовсе не

означает, что оно совершенно не обращало внимания на уголовно-правовую охрану интересов правосудия. Просто пути осуществления такой охраны менялись в ходе установления, укрепления и развития государственной власти [1, с. 5].

Результаты исследования

В период до появления первых советских уголовных кодексов первыми советскими учеными-криминалистами предпринимались попытки систематизации Особенной части уголовного права. Так, в начале 1919 г. Д. И. Курский предложил систему, в которой, к сожалению, вообще не нашлось места ни одному из преступлений против правосудия [4, с. 178–180]. А в 1947 г. М. Д. Шаргородский отмечал, что преступления против правосудия должны находиться среди преступлений против порядка управления, так как суд и прокуратура относятся к органам советского управления [2, с. 21].

Одним из первых [1, с. 5] законодательных актов Советского государства, в котором устанавливалась уголовная ответственность за преступления против правосудия, следует, очевидно, признать Декрет СНК от 24 ноября 1921 г. «О наказаниях за ложные доносы»¹. Хотя, как справедливо полагают И. С. Власов и И. М. Тяжкова, укрывательство взяточничества и недонесение о взяточничестве как самостоятельные преступные деяния появились уже в Декрете СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве»². При этом, согласно точке зрения М. Х. Хабибулина, характерной особенностью таких первых законодательных актов являлось то, что в них не проводится четкого разграничения прикосновенности (ее форм) и соучастия [10].

В трех статьях Декрета СНК от 24 ноября 1921 г. «О наказаниях за ложные доносы» говорилось о том, что карается лишением свободы на срок не менее 1 года заведомо ложный донос о совершении кем-либо преступления. Кроме того, в Декрете устанавливалась ответственность за дачу ложного показания свидетелем, экспертом или переводчиком при производстве дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства по делу. Срок лишения свободы в этом случае также не должен быть менее 1 года. Квалифицирующими обстоятельствами, увеличивающими срок наказания до 2 лет лишения свободы, признавались: ложность обвинения в тяжком преступлении, корыстные мотивы доноса или показания, искусственное создание доказательств обвинения [8, с. 112–113]. Кроме упомянутых составов, Декрет содержал состав заведомо ложного сообщения в письменном виде государственному учрежде-

нию или должностному лицу о фактах и данных, касающихся деятельности государственных учреждений или отдельных должностных лиц, а также касающихся запрашиваемых сведений.

По мнению И. С. Власова и И. М. Тяжковой, такие действия являлись «наказуемым очковитательством», которые предусматривались впоследствии ст. 151¹ УК РСФСР 1960 г. [1, с. 8]. Фактически речь в декрете шла об охране не только деятельности суда, но и следственных органов. Объектом уголовно-правовой охраны являются отношения, регламентирующие достоверное установление доказательств, необходимых для правильного разрешения дела [3, с. 119].

В УК РСФСР 1922 г. преступные посягательства на интересы правосудия были рассредоточены по нескольким главам. В главе 1 «Государственные преступления», подразд. 1 «О контрреволюционных преступлениях», ст. 68 предусматривала ответственность за укрывательство и пособничество всякого рода преступлениям³. В статье 71 говорилось о самовольном возвращении в пределы РСФСР после того, как к лицу был применен данный вид наказания. Такое самовольное возвращение грозило лицу смертной казнью.

В подразделе 2 «О преступлениях против порядка управления» были помещены составы, которые предусматривали ответственность за публичное оскорбление отдельных представителей власти (ст. 88), недонесение о достоверно известных предстоящих и совершенных преступлениях (ст. 89), заведомо ложное сообщение в письменном заявлении государственному учреждению или должностному лицу о деятельности госучреждений или должностных лиц, или заведомо ложный ответ о такой (очевидно, имеется в виду противоправной деятельности) (ст. 90), похищение, повреждение, сокрытие или уничтожение официальных и частных документов из государственных учреждений с целью препятствования правильному разрешению дел (в том числе и судебных) (ст. 92). Статьи 94 и 95 предусматривали соответственно освобождение арестованного из-под стражи или мест заключения или содействие такому освобождению, а также сам побег, который мог быть совершен посредством подкопа, взлома, повреждения затворов, стен и т. п.

Глава 2 «Должностные (служебные) преступления» предусматривала ст. 111, в которой устанавливалась ответственность за постановление судьями из корыстных или иных личных видов неправосудного приговора. При особо отягчающих

¹ Собр. узаконений РСФСР. 1921. № 77. Ст. 639.

² Там же. 1918. № 35. Ст. 467.

³ О введении в действие Уголовного Кодекса РС.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным Кодексом РС.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

обстоятельствах такое преступление каралось высшей мерой наказания. Статья 112 устанавливала ответственность за незаконное задержание, незаконный привод, принуждение к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер, заключение под стражу из корыстных или иных видов. Статья 115 предусматривала провокацию взятки, под которой понималась ситуация, когда должностное лицо создавало условия, вызывающие предложение взятки с целью последующего обличения лица, давшего взятку.

В главе 3 «Нарушение правил об отделении церкви от государства» ст. 123 предусматривала ответственность за присвоение церковными или религиозными организациями в том числе судебных функций. Такие действия наказывались принудительными работами, конфискацией имущества и ликвидацией организации.

Три статьи, посягающие на интересы правосудия, предусматривались подразд. 5 «Иные посягательства на личность и ее достоинство» гл. 5 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». Статья 177 карала за заведомо ложный донос органу судебной или следственной власти о совершении определенным лицом преступного деяния. Заведомо ложное показание, данное свидетелем, экспертом или переводчиком, предусматривалось ст. 178. В статье 179 предусматривался заведомо ложный донос, соединенный с обвинением в тяжком преступлении, с корыстными мотивами, с искусственным созданием доказательств.

Глава 8 «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок» содержала ст. 223, в которой каралось самовольное оставление определенного местопребывания, установленного распоряжением судебных (в том числе) властей.

И. С. Власов и И. М. Тяжкова обращают внимание на тот факт, что, несмотря на достаточно интенсивную охрану различных граней правосудия, оно как родовой объект посягательства в УК РСФСР 1922 г. не выделяется. «Вопрос о защите от посягательств органов правосудия как особого “механизма” со своей спецификой, – пишут исследователи, – тогда еще не мог встать. Это объясняется тем, что, хотя особенности социалистического правосудия как революционного правосудия трудящихся появились с первых дней советской власти, многие иные моменты, которые делают органы правосудия особым “механизмом”, выделяют его среди других органов Советского государства и делают необходимой его специальную защиту от преступлений, тогда еще не проявились в достаточной степени. Да и вряд ли могли проявиться, ибо к моменту принятия первого кодекса Советская республика не просуществовала еще и пяти

лет». То есть, иными словами, такого срока хватило лишь на то, чтобы создать новое по форме и содержанию социалистическое правосудие, но было совершенно недостаточно для того, чтобы сформировать стройную систему его уголовно-правовой охраны [1, с. 10].

В 1923–1924 гг. в связи с необходимостью дальнейшего укрепления социалистической законности потребовалось внести в УК РСФСР 1922 г. несколько новых составов преступлений против правосудия. Так, в частности, были введены: уклонение свидетеля или эксперта от явки, незаконное оглашение данных предварительного следствия или дознания, уклонение от обязанностей народного заседателя, побег с места высылки [4, с. 286].

25 февраля 1927 г. вышло в свет Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления)¹, в котором предусматривалось два вида недонесения о преступлениях. Во-первых, ст. 12 определяла ответственность за недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении в виде строгой изоляции на срок не ниже 6 месяцев. Во-вторых, ст. 23 предусматривала, что недонесение о некоторых (например, бандитизм) особо тяжких контрреволюционных преступлениях может повлечь за собой наказание в виде лишения свободы на срок не ниже одного года [8, с. 220–298].

УК РСФСР 1922 г. в редакции 1926 г.² не изменил подхода к преступлениям против правосудия, так и не консолидировав их в какую-либо одну главу. Также в гл. 1 «Контрреволюционные преступления» сформулирован состав укрывательства, пособничества всякого рода и недоносительства по отношению практически ко всем преступлениям, перечисленным в данной главе. Глава 2 «Преступления против порядка управления» содержала состав незаконного освобождения арестованного из-под ареста, из мест заключения или содействие его побегу (ст. 81). Статья 82 предусматривала побег, совершенный с использованием всех тех же способов, которые были предусмотрены УК РСФСР 1922 г. Статья 95 предусматривала ответственность за заведомо ложный донос, теперь соединенный с заведомо ложными показаниями в одной диспозиции. В новом кодексе заведомо ложный донос помещается уже не в главе, предусматривающей посягательства на личность. Статья 96 установ-

¹ Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) : постановление ЦИК СССР от 25 февр. 1927 г. // Собр. узаконений СССР. 1927. № 12. Ст. 123.

² О введении в действие Уголовного Кодекса РС.Ф.С.Р. в ред. 1926 года (вместе с Уголовным Кодексом РС.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 22 нояб. 1926 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

ливалась ответственность за оглашение данных предварительного следствия, дознания или ревизионного обследования.

Преступлениями, предусмотренными ст. 114 и 115, являлись постановление судьями из корыстных или иных видов неправоудного приговора и незаконное задержание, привод или принуждение к даче показаний, объединенные в одной статье. Необходимо отметить при этом, что из ст. 114 Постановлением ВЦИК и СНК от 31 октября 1927 г.¹ была исключена смертная казнь как вид наказания. Статья 119 посвящалась провокации взятки.

Несмотря на тот факт, что количество преступлений в гл. 4 «Нарушение правил отделения государства от церкви» сократилось по сравнению с предыдущим Уголовным кодексом, ст. 125, предусматривающая присвоение судебных функций, осталась.

25 июня 1932 г. увидело свет Постановление ЦИК и СНК СССР «О революционной законности»², в п. 4 которого особое внимание судов и органов прокуратуры обращалось на недопущение незаконных арестов, обысков и конфискации.

Законодатель, создавая УК РСФСР 1960 г., пожалуй, впервые попытался сосредоточить все посягательства на интересы правосудия в одной главе [5, с. 7]. Хотя, как совершенно верно отмечает Ю. И. Кулешов, сама идея у советского законодателя о выделении преступлений против правосудия в единую главу возникла задолго до вступления в силу УК РСФСР 1960 г.³ Глава 9 «Преступления против правосудия» появилась уже в проекте УК РСФСР 1946 г. «Такое решение вопроса, – пишет Г. П. Новоселов, – основывалось не на узком (принятие решения по уголовным и гражданским делам), а на широком понимании правосудия, что дало возможность свести к единому объекту уголовно-правовой охраны действия представителей суда, следствия, представителей исправительно-трудовых учреждений, предприятий, организаций и отдельных лиц, от которых так или иначе зависит установление истины по делу, объективная оценка всех фактических и юридических обстоятельств, обоснованное принятие решений о его исполнении. Вместе с тем данный подход учитывал специфику признаков, характеризующих того, чье именно деяние нарушало интересы правосудия в каждом отдельном случае. На

этой базе законодатель сконструировал такую систему преступлений против правосудия, которая вполне логично предполагала выделение посягательств должностных лиц правосудия и деяний остальных субъектов» [9, с. 617].

Глава 8 УК РСФСР 1960 г. «Преступления против правосудия» содержала в первоначальной редакции 15 составов. К ним относились: привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности; вынесение заведомо неправоудного приговора, решения, определения или постановления; заведомо незаконный арест или задержание; принуждение к даче показаний; заведомо ложный донос; заведомо ложное показание; отказ или уклонение свидетеля от дачи показаний или эксперта от дачи заключения; понуждение свидетеля или потерпевшего к даче ложных показаний или эксперта к даче ложного заключения либо подкуп этих лиц; разглашение данных предварительного следствия или дознания; растрата, отчуждение или сокрытие имущества, подвергнутого описи или аресту; побег с места ссылки; самовольное возвращение высланного в места, запрещенные для проживания; побег из места заключения или из-под стражи; укрывательство преступлений; недонесение о преступлении (ст. 176–190) [7, с. 74–77].

Как считает Ю. И. Кулешов, правовые нормы о преступлениях против правосудия не являлись застывшей догмой и подвергались достаточно интенсивному редактированию, предполагавшему их дальнейшее изменение и дополнение [5, с. 7]. Так, три состава, предусмотренные ч. 2 ст. 176 (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности при отягчающих обстоятельствах), ч. 2 ст. 177 (вынесение заведомо неправоудного приговора, решения, определения или постановления, повлекшее тяжкие последствия) и ч. 2 ст. 179 (принуждение к даче показаний при отягчающих обстоятельствах) в 1972 г. были отнесены к категории тяжких преступлений [7, с. 159–220].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 г. в УК РСФСР 1960 г. была введена ст. 188¹ «Уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы», которая предусматривала ответственность для лиц, которым разрешен краткосрочный выезд из мест лишения свободы⁴. В 1982 г. была изменена редакция ст. 186, в которой к побегу из места ссылки был добавлен побег из лечебно-трудового либо из воспитательно-трудового профилактория. Кроме того, в этом же году была введена ст. 188² «Неисполнение приговора суда о лише-

¹ Об изменениях Уголовного Кодекса РС.Ф.С.Р. во исполнение Манифеста 2 сессии Центрального Исполнительного Комитета Союза С.С.Р. IV созыва : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 31 окт. 1927 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1927. № 110. Ст. 737.

² О революционной законности : постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 25 июня 1932 г. (ред. от 13.04.1959) // Собр. узаконений СССР. 1932. № 50. Ст. 298.

³ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Свод законов РСФСР. 1960. Т. 8. С. 497.

⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР : указ Президиума ВС РСФСР от 11 марта 1977 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1977. № 12. Ст. 255.

нии права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

Указ Верховного Совета РСФСР от 13 сентября 1983 г. пополнил кодекс ст. 188³ «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения». В 1987 г. вводится уголовная ответственность по ст. 188⁴ «Незаконная передача запрещенных предметов лицам, содержащимся в исправительно-трудовых учреждениях, следственных изоляторах, воспитательно-трудовых и лечебно-воспитательных профилакториях».

Согласно исследованию Ю. И. Кулешова, в 1989 г. в УК РСФСР была введена ответственность за вмешательство в разрешение судебных дел (ст. 176¹), за угрозу или насильственные действия в отношении судьи, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа и их близких родственников (ст. 176²), и за оскорбление судьи, народного или присяжного заседателя (ст. 176³). В то же время изменение исторических реалий потребовало исключения из Уголовного кодекса ряда статей, например, связанных со ссылкой, лечебно-трудовыми и воспитательно-трудовыми профилакториями [5, с. 8]. «В последующие годы, – пишет Л. В. Иногамова-Хегай, – нормы главы о преступлениях против правосудия неоднократно подвергались изменениям. В основном изменения и дополнения касались необходимости обеспечить должную защиту лиц, непосредственно отправляющих правосудие. Кроме того, на нормах рассматриваемой главы отразились и происшедшие изменения в социально-экономических, идеологических и политических общественных отношениях. Так, например, была отменена ответственность за самовольное возвращение высланного в места, запрещенные для проживания (ст. 187 УК РСФСР), в связи с исключением из системы наказаний ссылки и высылки» [6, с. 18].

Особый интерес представляет гл. 34 Модельного уголовного кодекса СНГ 1996 г.¹, где кроме преступлений, посягающих на интересы правосудия извне, также предусматривались преступления самих представителей власти, призванных осуществлять правосудие. В эту главу были собраны преступные деяния против правосудия, известные практически всем уголовным кодексам бывших союзных республик. Среди преступлений против правосудия предусматривались следующие составы: вмешательство в разрешение судебных дел и производство предварительного расследования; заведомо ложный

донос; несообщение о преступлении или его укрывательство; воспрепятствование явке свидетеля, потерпевшего или даче ими показаний; лжесвидетельство; привлечение заведомо невиновного лица к уголовной ответственности; принуждение к даче показаний; неуважение к суду; угроза или насильственные действия в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя, адвоката, эксперта, переводчика; незаконное задержание или заключение под стражу; неисполнение судебного решения; уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы; фальсификация доказательств по уголовному делу; незаконное освобождение от уголовной ответственности; вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного постановления; побег из мест лишения свободы или из-под стражи.

Сомнение в этом перечне вызывала, по мнению Л. В. Иногамовой-Хегай, лишь одна статья – несообщение о достоверно известном готовящемся или совершенном особо тяжком преступлении. Отрицательный эффект данной нормы, по мнению Л. В. Иногамовой-Хегай, превышал все рациональные рассуждения о ее целесообразности именно в силу ее скрытой недемократичности [Там же, с. 21].

Сомнения окончательно развеялись, когда в современный УК России Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ² была введена статья 205⁶ «Несообщение о преступлении», которая предусматривает ответственность за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений террористического характера. Несмотря на тот факт, что это преступление, основным непосредственным объектом которого являются общественные отношения по обеспечению общественной безопасности, а по категории это преступление небольшой тяжести, дополнительным непосредственным объектом данного состава являются все-таки интересы правосудия.

Обсуждения и заключения

Таким образом, можно констатировать следующее. Молодое Советское государство, приняв решение освободиться от буржуазного наследия, в том числе законодательного, и про-

¹ Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт (Принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 Постановлением 7-5 на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : федер. закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

декларировав необходимость специфического подхода к формированию преступлений против правосудия, не смогло в конечном итоге избавиться от своеобразной «законодательной инерции» в вопросе защиты интересов правосудия. Общий подход, свойственный дореволюционному законодателю в вопросах регламентации преступлений против правосудия и основанный на отождествлении этих интересов с интересами порядка управления («благочиния»), продолжал доминировать и в советскую эпоху. И только УК РСФСР 1960 г. отходит от этой консервативной традиции, выделяя преступные посяательства против интересов правосудия в отдельной главе. Мы полагаем, что этому есть определенные объяснения. Мы можем предположить, что, с одной стороны, совершенствуется законодательная техника и советский законодатель более тонко начинает подходить к выделению видовых объектов посяательства в разделе, посвященном охране интересов государственной власти. С другой стороны – судебная система все более начинает восприниматься не как безликая часть системы государственного управления, а как самостоятельная и совершенно специфическая ветвь государственной власти, требующая особого подхода в вопросах ее уголовно-правовой охраны. 62

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. М. : Юридическая литература, 1968. 134 с.
2. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. 491 с.
3. Дворянсков И. В., Друзин А. И. Уголовно-правовая охрана отправления правосудия : (историко-правовое исследование) / отв. ред. И. А. Исаев. М. : Воениздат. 4-й фил., 2002. 150 с.
4. История советского уголовного права / А. А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н. Д. Дурманов (и др.). М. : Юридическое изд-во, 1948. 466 с.
5. Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации : учебное пособие. Хабаровск : Хабар. гос. акад. экономики и права, 2001. 152 с.
6. Преступления против правосудия / под ред.: А. В. Галахова. М. : Норма, 2005. 416 с.
7. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953–1991 гг.). В 2 ч. / сост. Н. С. Захаров, В. П. Малков. Ч. 2: Законодательство РСФСР. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1995. 302 с.
8. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / сост.: проф. А. А. Герцензон ; под ред. (и с предисл.) проф. И. Т. Голякова. М. : Госюриздат, 1953. 464 с.
9. Уголовное право России. Особенная часть : учебник для вузов ; отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М. : Инфра-М-Норма, 1997. 768 с.
10. Хабибуллин М. Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1984. 136 с.

REFERENCES

1. Vlasov I.S., Tyazhkova I.M. *Responsibility for crimes against justice* [Otvetstvennost' za prestupleniya protiv pravosu-diya]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1968.134 p. (in Russian).

2. Gorelik A.S., Lobanova L.V. *Crimes against justice* [Prestupleniya protiv pravosu-diya]. Saint-Petersburg, Yurid. Center Publ., 2005.491 p. (in Russian).
3. Dvoryanskov I.V., Druzin A.I. *Criminal and legal protection from the administration of justice: (historical and legal research)* [Ugolovno-pravovaya ohrana ot-pravleniya pravosu-diya (istoriko-pravovoe issledovanie)]. Moscow, Military Publ., 4th fil., 2002, 150 p. (in Russian).
4. *Istoriya sovetского уголовного права*. A.A. Gercenzon, Sh.S. Gringauz, N.D. Durmanov (i dr.) [History of Soviet criminal law. A.A. Gertzenon, Sh.S. Gringauz, ND Durmanov (et al.)]. Moscow, Yurid. Publishing House, 1948, 466 p. (in Russian).
5. Kuleshov Yu.I. *Prestupleniya protiv pravosu-diya: ponyatie, si-stema, yuridicheskij analiz i problemy kvalifikacii* [Crimes against justice: concept, system, legal analysis and qualification problems]. Khabarovsk, Khabar. state acad. Economics and Law, 2001, 152 p. (in Russian).
6. *Prestupleniya protiv pravosu-diya / pod red.: A.V. Galakhova* [Crimes against justice / under the editorship of A.V. Galakhova]. Moscow, Norma Publ., 2005, 416 p. (in Russian).
7. *Sbornik dokumentov po istorii ugovolnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR (1953-1991 gg.)*. (V 2 ch. / Sost. N.S. Zaharov, V.P. Mal-kov). Ch. 2: *Zakonodatel'stvo RSFSR* [Collection of documents on the history of the criminal legislation of the USSR and the RSFSR (1953-1991): (In 2 hours / Comp. N.S. Zakharov, V.P. Malkov). Part 2: Legislation of the RSFSR]. Kazan, Kazan University Publishing House, 1995, 302 p. (in Russian).
8. *Sbornik dokumentov po istorii ugovolnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR, 1917-1952 gg.* / Sost.: prof. A.A. Gercenzon ; Pod red. (i s predisl.) prof. I.T. Golyakova [Collection of documents on the history of the criminal legislation of the USSR and the RSFSR, 1917-1952. Comp.: prof. A.A. Gertzenon; Ed. (and with a foreword) prof. I.T. Golyakova]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1953, 464 p. (in Russian).
9. *Ugovolnoe pravo Rossii. Osobennaya chast. Otv. red. I.Ya. Kozachenko, Z.A. Neznamova* [Criminal law of Russia. Special part: Textbook for universities. Resp. ed. I. Kozachenko, Z.A. Neznamova]. Moscow, In-fra-M-Norma Publ., 1997, 768 p. (in Russian).
10. Khabibullin M.Kh. *Responsibility for concealing crimes and non-reporting under Soviet criminal law* [Otvetstvennost' za ukryvatel'stvo prestuplenij i nedonositel'stvo po sovetскому ugovolnomu pravu]. Kazan, Kazan University Publishing House, 1984, 136 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 21.06.2021; одобрена после рецензирования 10.11.2021; принята к публикации 01.12.2021
Received on 21.06.2021; approved on 10.11.2021; accepted for publication on 01.12.2021

Георгиевский Эдуард Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), ORCID: 0000-0001-8811-937X, ResearcherID: ABE-9081-2021, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Georgievskiy Eduard Viktorovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-8811-937X, ResearcherID: ABE-9081-2021, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Кравцов Роман Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), ORCID: 0000-0001-5597-269X, e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com

Kravtsov Roman Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-5597-269X, e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com